

ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ

Theodore W. Schultz. Fertility and Economic Values. Part I: The Value of Children. In: T.W.Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974, p.3–14.

© University of Chicago Press, 1973, 1974

© National Bureau of Economic Research, 1974

Перевод д.э.н. И.М.Осадчей

Подход к анализу проблем рождения и воспитания детей с точки зрения экономики установил новые соотношения между статистическими данными и теорией. Если Мальтус предполагал, что величина издержек воспитания детей неизменна во времени, то мы в данном исследовании утверждаем, что по мере увеличения цены человеческого времени затраты на воспитание детей растут. Сегодня мы видим, что на рождаемость влияют и цены, и доход, и накопление человеческого капитала в детях. Мы видим также, что и тот человеческий капитал, которым обладают взрослые, особенно женщины, влияет как на рождаемость, так и на объем предложения труда. Последние достижения экономического анализа позволяют нам сформулировать ряд доступных проверке гипотез. Эмпирические исследования, в свою очередь, ставят перед нами новые нерешенные вопросы. Таким образом, работа по осознанию механизмов, определяющих динамику данных процессов, только начинается.

Было бы преждевременно искать в наших исследованиях готовые рекомендации в области социальной политики. На данной стадии работы выводы носят главным образом аналитический характер. Чтобы увидеть стоящие перед нами проблемы во всей их полноте, нужен экономический подход, основанный на некоторых элементарных, но вместе с тем фундаментальных положениях. Хотя эти положения можно рассматривать как не подлежащие обсуждению, я останавливаюсь на них, чтобы быть уверенным, что они не останутся без внимания. Рождаемость означает появление детей; дети же – важная составляющая образа жизни большинства семей. Почти все супружеские пары желают иметь детей и готовы рожать и воспитывать их. Значительно реже осознается, что родители получают от своих детей удовлетворение и производительные услуги. Таким образом, жертвы, приносимые родителями при рождении детей, и те инвестиции, которые они вкладывают в их здоровье и образование, являются прежде всего результатом сознательного семейного решения.

Я предвижу, что многие чувствительные люди будут шокированы подобным подходом к исследованию проблемы рождаемости, поскольку

ку он якобы унижает семью и материнство. Кому-то может показаться, что такие сугубо личные цели и формы человеческой активности далеки от области экономического расчета. Когда я начал применять концепцию человеческого капитала к вопросам образования, я неоднократно выражал ту же озабоченность относительно этих деликатных проблем, ибо данную концепцию можно посчитать принижающей культурные цели образования. Я всегда тщательно и подробно разъяснял, что инвестиции в образование находятся в полном согласии с культурными целями, поскольку позволяют рассчитывать в будущем не только на доходы, обусловленные наличием школьного и высшего образования, но и на более высокую степень удовлетворения культурных запросов. Следуя той же логике, мы можем попытаться объяснить жертвы, приносимые родителями, их личным удовлетворением, а также будущим получением ими от своих детей производительных услуг.

Центральная экономическая идея исследований состоит в том, что репродуктивное поведение родителей в значительной мере отражает их внутренние предпочтения. При нынешнем уровне технологического контроля за рождаемостью и с учетом различных видов неопределенности, связанных с применением контрацептивных средств, детской смертностью, здоровьем родителей и их способностью к деторождению, а также при том уровне доходов, который родители предполагают иметь на протяжении жизненного цикла семьи, данные предпочтения ограничены родительскими ресурсами и альтернативными экономическими возможностями их использования. В свою очередь, эти ресурсы подразумевают возможность жертв, измеренных в терминах альтернативных издержек, которые родители должны быть готовы нести во имя получения от своих детей удовлетворения и производительных услуг в будущем.

Конечно, можно утверждать, что родителям попросту безразличны все эти экономические соображения (поскольку рождение детей является в первую очередь непреднамеренным итогом сексуальной активности); что супруги, как правило, не занимаются на практике планированием семьи, а ресурсные ограничения в течение жизненного цикла известны им не настолько точно, чтобы влиять на их семейные решения в тот период, когда рождаются дети. В данный момент нет необходимости излагать причины, по которым я не принимаю эту аргументацию, — сами наши исследования убедительно доказывают противоположное. Я просто буду исходить из того, что родители принимают во внимание экономические соображения, касающиеся воспитываемых ими детей, и, определяя ценность детей, сопоставляют уровень предельных жертв с тем уровнем удовлетворения и с теми производительными услугами, которые они ожидают получить от своих потомков. Таким образом, оставляя в стороне вопрос общественных выгод и издержек, можно прийти к выводу, что ключевым моментом, который определяет ценность детей для их родителей, является взаимодействие влияющих на семейные решения факторов спроса и предложения.

Рассматривая проблему рождаемости, специалисты в области экономического роста сформулировали общие экономические следствия увеличения численности населения, оставив задачу объяснения самого этого увеличения биологам, социологам и демографам. Подобная концентрация внимания на следствиях понятна, поскольку факторы, определяющие рост населения, остаются одной из главных неисследованных сфер экономической теории. Концепция оптимальной численности населения оказалась не слишком плодотворной. Современная теория экономического роста, как правило, рассматривает увеличение численности населения в качестве экзогенного фактора, хотя в классической теории (начиная с Мальтуса) оно выступало в качестве эндогенной переменной. Мальтузианские соображения о влиянии экономического роста на рождение и воспитание детей вели, разумеется, к мрачным долгосрочным прогнозам относительно воздействия накопления капитала и технического прогресса на рост населения. Сейчас экономисты уже не считают, что минимальный уровень жизни является величиной постоянной, определяемой лишь средствами, необходимыми для поддержания существования (повсеместный рост жизненного уровня в результате повышения реальных доходов семей, вызванного экономическим ростом, говорит сам за себя); что же касается потока литературы, предрекающей наступление конца света вследствие демографического взрыва, то он исходит в основном от биологов, основывающих свои рассуждения на ранних мальтузианских концепциях воспроизводства населения.

Между тем демографы сделали многое в области анализа больших массивов демографических данных и выявления глубины конкретных различий между отдельными группами родителей с точки зрения их репродуктивного поведения (Ryder and Westoff, 1971, и др.). Демографы, конечно, знают, что прогнозы численности населения, базирующиеся на их стандартизированных данных, являются довольно сомнительными даже для коротких периодов времени, поскольку в основе этих прогнозов не лежит какая бы то ни было теория роста населения. Однако демографы ставят такие фундаментальные вопросы, о которых стоило бы поразмыслить и экономистам: “Чем объясняется быстрое распространение контрацептивных средств? Чем объяснить колебания темпов рождаемости в странах с высокоразвитой экономикой?”¹ Но самый главный вопрос, с моей точки зрения, заключается в том, чтобы выявить причины демографической трансформации, т.е. объяснить те экономические и социальные процессы, а также семейное поведение, которые обуславливают переход от прежних, весьма высоких коэффициентов рождаемости и смертности к весьма низким современным. Очевидно, что теория, рассматривающая рост населения в качестве экзогенной переменной, не может дать ответ на эти вопросы. В своем дальнейшем комментарии я коснусь прежде всего тех

¹ Этот вопрос был главным в работах Р.Истерлина (Easterlin, 1968; 1969).

последних достижений в области экономического анализа, благодаря которым стали возможными новые подходы к затронутым проблемам. Затем я коротко обрисую возникающую на основе этих подходов экономическую картину и, наконец, рассмотрю вопрос о вероятном влиянии наших выводов на последующие экономические исследования.

1. ПРОГРЕСС В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

В экономическом анализе существуют четыре направления, имеющие отношение к интересующей нас проблеме: анализ инвестиций в человеческий капитал; анализ основных принципов распределения имеющегося у человека времени (данный фактор прежде игнорировался); анализ производственной функции домашнего хозяйства; разработка такой концепции семьи, которая учитывает и потребительский выбор, и производственные решения в домашнем хозяйстве (включая решения о рождении и воспитании детей).

Теория инвестиций в человеческий капитал покоится, как мы знаем, на предположении о том, что существуют определенные расходы (жертвы), предпринимаемые индивидом по собственному выбору для создания производительного потенциала (productive stock), воплощенного в самом человеке, — потенциала, благодаря которому его владелец впоследствии будет получать определенные услуги. Они включают в себя производительные услуги, обеспечивающие прирост будущих заработков, и потребительские услуги, состоящие в удовлетворении потребностей индивида на протяжении всей его жизни².

² Профессор Харри Джонсон следующим образом подытожил дискуссию о производительном вкладе человеческого капитала: «Вклад человеческого капитала в производственный процесс осуществляется благодаря процессу инвестирования (что означает просто жертвование текущими ресурсами во имя будущих доходов) в систему формального образования и производственного обучения. Эти инвестиции приносят доход на протяжении жизни соответствующего индивида. Концепция человеческого капитала обладает колоссальным обобщающим потенциалом ввиду того, что она предлагает единый принцип для логичного объяснения многих явлений на рынке труда. Возможно, самая главная ее идея, с точки зрения социологии, состоит в том, что рабочий в индустриально развитой стране является, как правило, весьма богатым капиталистом... Вторая идея, имеющая непосредственное отношение к проблеме социального и экономического неравенства, состоит в том, что экономическое вознаграждение за различные виды профессиональных занятий должно оцениваться с учетом доходов и расходов на протяжении всей жизни индивида, а не сводиться лишь к фиксации наивысших ежегодных доходов, получаемых им на пике служебной карьеры... Третья идея, также касающаяся неравенства, состоит в том, что в процессе выбора между различными возможными видами деятельности всякий вновь вступающий на рынок труда сталкивается с теми же проблемами сбора информации, оценки риска, подсчета доходов и поиска ресурсов для инвестиций, что и инвесторы, вкладывающие свои средства в капитальное оборудование или в акции» (Johnson, 1968, p.7–8).

Дети рассматриваются здесь как форма человеческого капитала. Если говорить о жертвах, которые приходится приносить в связи с их рождением и воспитанием, то в богатых странах родители приобретают взамен главным образом будущее личное удовлетворение, в то время как в бедных странах дети вносят большой вклад в будущий реальный доход своих родителей благодаря работе, которую они выполняют в домашнем хозяйстве и на ферме, а также благодаря тому, что они предоставляют своим родителям пропитание и кров, когда те уже не в состоянии обеспечивать себя сами. Дети – это в подлинном смысле слова *капитал бедняков*. Очевидно, что инвестирование в детей во многих отношениях схоже с инвестированием в домашние растения ради любования ими и получения от них плодов. Уход за младенцем требует больших трудовых затрат, вознаграждение же – с точки зрения полезности – носит чисто психологический характер. Когда ребенок становится подростком, дополнительные издержки со стороны родителей связаны с меньшими затратами труда, а вознаграждение, особенно в бедных странах, все в большей мере выступает в виде выполняемой детьми полезной работы.

Второе важное направление прогресса экономического анализа связано с включением ресурса “человеческого времени” в систему распределительных решений, касающихся как рыночных, так и нерыночных видов деятельности (Becker, 1965). Между понятием человеческого капитала и концепцией распределения времени существует сильная и очевидная связь. Полезность новой концепции распределения времени состоит в том, что она применима не только к рынку труда, но и к работе в домашнем хозяйстве. В домашнем хозяйстве индивид, как правило домашняя хозяйка, распределяет свое время частично на поиски и покупку потребительских товаров, а частично на их использование в домашнем хозяйстве с целью потребления. Кроме того, само потребление также требует времени. Главная идея этого направления анализа состоит в том, что в действительности каждая потребительская услуга имеет две цены: (1) денежную цену (в соответствии с традиционной теорией потребительского выбора) и (2) стоимость времени, затрачиваемого на приобретение товаров и их переработку в домашнем хозяйстве, а также на потребление услуг, произведенных в рамках домашнего хозяйства.

Совершенно очевидно, что рождение ребенка и уход за ним в первые годы его жизни обычно представляют собой чрезвычайно трудоемкую деятельность для матери. Неясно, однако, как различия в стоимости времени, расходуемого матерями на рождение ребенка и уход за ним, связаны с различиями в человеческом капитале, которым они обладают. Проведенные нами исследования (см. Schultz, 1974) существенным образом проясняют эту связь.

Далее, мы имеем разработки, связанные с экономической теорией производства в домашнем хозяйстве. Понятие производственной функции домашнего хозяйства возникло на базе концепций человеческого

капитала и ценности человеческого времени. Оно позволяет проанализировать все виды нерыночной деятельности домашних хозяйств – в своих более ранних работах этот подход предвосхитила Маргарет Рейд (Reid, 1934). Особым же достоинством той формулировки теории распределения времени, которую предложил Г.Беккер (Becker, 1965), является учет времени, затраченного индивидами на производственную деятельность в домашних хозяйствах. Конечно, домашняя хозяйка распределяет свое время не только при выборе и приобретении потребительских товаров, – ведь она занимается и переработкой этих товаров, чтобы подготовить их для потребления. Производственная функция домашнего хозяйства служит здесь полезным аналитическим инструментом³. Настало время для более углубленного исследования производственной функции домашнего хозяйства. Эмпирический анализ показывает, что “производство” ребенка (детей) требует различных затрат как времени, так и материальных ресурсов в зависимости от возраста ребенка (детей).

Четвертое направление – это подход к семье как к единице, принимающей решения не только при максимизации полезности от потребления, но и при распределении времени и товаров в производственной деятельности домашнего хозяйства. Взгляд на семью как на единицу принятия решений в домашнем производстве возникает в результате приложения к данной сфере теории фирмы, существующей в рамках традиционной экономической теории. Подобный взгляд предполагает, что благосостояние каждого члена семьи естественным образом интегрируется в единую семейную функцию благосостояния⁴, что и здесь имеются “накладные расходы” и что теневые (нерыночные) цены играют важную роль в производственной и потребительской деятельности семьи, включая рождение и воспитание детей.

2. ПАНОРАМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Предлагаемая теория, безусловно, ограничена своими статическими предпосылками, из которых она тем не менее извлекает достаточно мощные аналитические возможности. И все же она не способна адекватным образом отразить все поведение родителей в течение их жизни, связанное с многообразием инвестиций, которые они делают в здоровье, образование, производственное обучение, путешествия, браки своих детей, а также с накоплением собственности, предназначенной для передачи в наследство. Главная цель теории состоит в том, чтобы исследовать те различия в цене родительского времени, которые прямо или косвенно влияют на “производство” детей. Имеющаяся

³ О полезности этого аналитического инструмента свидетельствует его применение при анализе производного спроса на здоровье, свободное время, товары длительного пользования, транспортные услуги, а в данном случае – при анализе производного спроса на детей.

⁴ Я вернусь к этому вопросу в разделе 3.

статическая теория по-прежнему предлагает суммировать сначала все расходы на детей, а затем все виды отдачи от них на протяжении всего жизненного цикла семьи. Она не различает ранние и поздние периоды этого цикла, не сопоставляет их значение. Я думаю, что сдвиги в динамике рождаемости, которые связаны с ростом расходов на детей, являются следствием долгосрочных процессов, связанных с изменением экономической ценности образования, возможностей получения работы, стимулов к переезду в экономически более благоприятные районы, возможностей сокращения детской смертности, качества и стоимости контрацептивных средств. Эти сдвиги обусловлены вековой тенденцией к росту семейных доходов. Анализ этих и прочих долгосрочных процессов, включая скорость, с которой семьи приспосабливаются к подобным видам нарушений равновесия, пока еще находится вне рамок данной теории.

Следует отметить, что эмпирический анализ сталкивается с серьезными трудностями, связанными с недостатком данных, а некоторые эконометрические проблемы все еще остаются нерешенными. Когда дело доходит до проверки экономических гипотез, данные всегда оказываются труднодоступными. Тем не менее для этих целей, без сомнения, всегда можно “добыть” данные лучшего качества. Далее, хотя в развитии эконометрической техники наблюдается заметный прогресс, многие из ее достижений все еще не стали общим достоянием экономистов; а тем временем нерешенные эконометрические проблемы продолжают накапливаться.

Возвращаясь к эмпирическому аспекту анализа, укажем, что наличие реакций родителей на различия относительных цен, вызывающие эффекты замещения, очевидно. В частности, констатация негативного воздействия роста цены материнского времени на количество детей в семье оставляет мало сомнений в том, что экономическая теория может играть определенную роль в анализе рождаемости. Если же в качестве меры цены материнского времени использовать уровень образования, то задача выделения связанных с этим факторов определенным образом усложняется. На этом вопросе я сейчас и останавливаюсь.

Реакции родителей на различия в доходах и на их изменения во времени выявить очень трудно. Есть, однако, неоправданная тенденция считать уже имеющиеся оценки ненадежными и сомнительными – вследствие одной неверной предпосылки. Дело в том, что теория не должна количественно определять величину эффектов дохода, так же как она не должна определять точную величину эластичности по доходу спроса, скажем, на продукты питания. Неверная же посылка заключается в предположении, что одним из следствий роста дохода должен быть рост рождаемости.

С моей точки зрения, определение эффектов дохода в конечном счете будет зависеть от исходных данных. Но определить эффекты дохода эмпирически, полагая стоимость времени и товаров неизменными, крайне трудно. Еще труднее адекватно измерить богатство семьи

на протяжении ее жизненного цикла. Делать это, используя данные *ex post*, неверно, потому что нам нужны ожидания *ex ante*, касающиеся временной траектории потока семейных доходов на протяжении жизненного цикла семьи, с соответствующими весами этих ожиданий на разных стадиях жизненного цикла, а также с учетом риска и дисконтирования доходов. Статические модели не в состоянии учесть последствия пересмотра этих ожиданий и те модификации поведения, которые присущи родителям при неожиданных изменениях дохода в течение жизненного цикла. Кроме того, эффект изменений в соотношении между качеством каждого ребенка и количеством детей может вызвать повышение относительной цены числа детей по мере роста дохода, даже если цена времени останется постоянной⁵.

Более общее и фундаментальное соображение относительно взаимосвязи между качеством каждого ребенка и количеством детей состоит в том, что поскольку всегда существует общее ограничение семейных ресурсов, то дополнительное количество детей непременно означает сокращение ресурсов, инвестируемых в качество каждого из них.

В проводящихся в настоящее время исследованиях предпринимаются серьезные попытки выявить различные направления, по которым на семейную жизнь (и прежде всего на рождаемость) оказывает влияние образование супругов. Представляется, что уровень образования родителей, в особенности матерей, имеет решающее значение. Он влияет на выбор партнера по браку. Он может оказывать влияние на желание иметь детей. От него безусловно зависят заработки работающих женщин и производительность труда матерей в домашнем хозяйстве, включая воспитание детей. Вероятно, он воздействует на уровень детской смертности, и, несомненно, от него зависит способность родителей контролировать рождаемость. Задача выделения и идентификации каждого из этих аспектов взаимосвязи образования родителей с состоянием их семейных дел содержит в себе аналитические трудности, сравнимые с теми трудностями учета технического прогресса, которые продолжают усложнять жизнь исследователям экономического роста.

На меня произвело большое впечатление доказательство того, что корреляция между получением матерями дополнительного образования и числом детей является строго отрицательной для первых лет обучения. Неясно, однако, почему эта зависимость не сохраняется при продолжении обучения на более высоком уровне⁶. Принимая во внимание важность учета этой зависимости при выработке государственной политики поддержки начального образования, необходимо предпринять особые усилия как в плане проверки эмпирических выводов, так и в плане разрешения очевидно существующего парадокса.

⁵ Дальнейшая часть этого раздела во многом опирается на комментарии Р.Уиллиса (Willis, 1974).

⁶ Й.Бен-Порат (Ben-Porath, 1974) и Р.Уиллис (Willis, 1974) пытаются представить некоторые возможные варианты решения этой загадки.

С аналитической точки зрения взгляд на детей как на гетерогенный запас человеческого капитала представляется мне безусловным шагом вперед. Конечно, ребенок, которому нет и трех лет, – это совсем иной компонент человеческого капитала (и с точки зрения издержек, определяемых в основном ценностью материнского времени, и с позиции психологического удовлетворения, которое родители получают от столь юного существа), нежели повзрослевший ребенок, подросток. Как я отмечал в начале статьи, очень маленький ребенок является крайне “трудоемким” с точки зрения времени, затрачиваемого матерью. Когда ребенок взрослеет, он становится все менее “трудоемким”, но более дорогостоящим с точки зрения расходования других семейных ресурсов, которые необходимы для его обучения и для прочих видов деятельности, способствующих дальнейшему развитию его способностей.

Проблема распределения семейных ресурсов между повышением качества каждого ребенка и количеством детей представляется очень серьезной и заслуживает самого пристального внимания.

В настоящее время имеется слишком мало работ, посвященных непосредственно исследованию инвестиций, осуществляемых родителями в развитие способностей своих детей с помощью образования, профессионального обучения, путешествий и прочих развивающих видов деятельности; это – те инвестиции, от которых семьи получают выгоду и которые они могут себе позволить, привлекая другие семейные ресурсы (помимо материнского времени) за счет сокращения доли сбережений на ранних стадиях жизненного цикла семьи, что особенно характерно для таких развитых стран, как Израиль и США.

Норма детской смертности в США не просто низка; различия по этому показателю среди белых семей стали настолько незначительными, что вариации уровня детской смертности уже не являются фактором, существенно влияющим на отношение семей к деторождению. Но снижение детской смертности, наблюдаемое ныне в самых бедных странах, является, по всей вероятности, важной переменной, на которую родители реагируют с некоторым лагом – по мере того как они становятся более просвещенными и подготовленными к учету этой информации в своих решениях по поводу рождения детей.

Наконец, один из новых важных аспектов теории связан с экономическим анализом баланса спроса и предложения контрацептивных средств. Хорошо было бы иметь оценки степени распространения более эффективных и дешевых контрацептивов. Похоже, что полученная в результате обработки такой информации картина была бы во многом подобна той, которая наблюдается в ряде экономически отсталых стран, где фермеры, используя новые, более продуктивные сорта пшеницы, риса и прочих культур, осуществили так называемую “зеленую революцию”. Широкое распространение контрацептивных средств является еще одним подтверждением того экономического постулата, что, принимая решение о рождении детей, родители учитывают изменения общеэкономических условий.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ

Разрушаем ли мы, как считает Норман Райдер (Ryder, 1974), саму идею семьи? Вовсе нет; напротив, по сравнению с тем, как семья рассматривается в рамках новой экономической теории домашнего хозяйства (home economics), мы расширяем и обогащаем ее роль. Предпосылка, согласно которой благосостояние членов семьи интегрируется во внутренне последовательную семейную функцию полезности, приписывает семье такую роль, которая, несомненно, преувеличивает ее возможности как социального института. Поэтому одной из актуальных проблем остается разработка методов для анализа индивидуальных функций полезности мужа, жены и взрослых детей.

Семья действительно является одним из базисных социальных институтов, который укреплялся законодательно по мере своего культурного развития. Райдер прав, отмечая, что “общество вмешивается в развитие семьи как непосредственно, так и более тонкими способами”. Что касается социальных функций семьи, то постоянной сферой исследования были и остаются брак и продолжение рода. В силу этого семья является в основном сферой интересов антропологов, социологов и юристов, и все они вносят свой вклад в демографические исследования. Могут ли экономисты также внести свой вклад, учитывая прогресс экономического анализа, достигнутый благодаря появлению концепций человеческого капитала, ценности человеческого времени, производственной функции домашнего хозяйства и семьи как единицы принятия решений в области потребления и домашнего производства? Каковы перспективы этих новых подходов в деле объяснения таких явлений, как брак, рождаемость и инвестирование в детей?

Если бы оказалось, что все, что было или могло быть исследовано с помощью этих экономических подходов, уже известно представителям других наук, такие перспективы нельзя было бы назвать многообещающими. Было бы слишком самонадеянно заявлять, что создание экономической теории народонаселения уже не за горами, и все же на данной стадии ее возникновение нельзя исключить. Хотя и скромные, но тем не менее важные успехи в этой области связаны с двумя моментами: (1) с уже существующим научным заделом и (2) с потенциально плодотворными исследовательскими возможностями, возникающими на основе экономических подходов.

Те содержательные выводы, о которых я подробно говорил в предыдущем разделе, представляются новыми и очень важными. Мы видим, что семья (домашнее хозяйство) реагирует на изменения относительных цен так, как это предусматривается экономической теорией, что наибольшую ценность в процессе “производства” детей на протяжении первых лет жизни каждого ребенка имеет материнское время, что в рамках семьи существует эффект замещения между качеством ребенка и количеством детей, что инвестиции в качество детей возрастают по мере роста семейного дохода, что дополнительное обучение при

низком начальном уровне образования матерей оказывает сильное негативное влияние на рождаемость и что последствия появления более эффективных и дешевых методов контроля за рождаемостью все еще нуждаются в экономическом анализе.

Кроме того, наши исследования являются богатым источником еще не проверенных экономических гипотез, а также идей и соображений, заслуживающих экономического анализа. О большей части тех исследовательских возможностей, которые я вижу, уже говорилось выше. Поэтому далее я ограничусь рассмотрением ряда специфических неисследованных проблем, а также некоторых долгосрочных экономических процессов, учет которых способен объяснить наблюдаемые изменения в рождаемости на протяжении периодов, охватывающих два и более семейных циклов.

Статические модели семьи (домашнего хозяйства) могут быть расширены с тем, чтобы инкорпорировать в явной форме весь спектр потребительских товаров, которые входят в производственную функцию домашнего хозяйства, а также тех продуктов, которые сберегают время домашней хозяйки. Составной частью этих моделей также может стать приобретение предметов потребления длительного пользования в кредит на той стадии семейного цикла, когда происходит рождение и воспитание ребенка. Я также считаю, что по мере роста уровня образования родителей будут наблюдаться значительные позитивные сдвиги в том, что касается получения ими более дешевых кредитов и увеличения эффективности распоряжения своими инвестиционными портфелями (включая инвестиции в детей). В некоторых исследованиях учитывается роль наемного труда в домашнем хозяйстве, но она, видимо, требует существенно большего внимания при эмпирическом анализе экономического поведения тех родителей, которые распределяют свое время в пользу детей, уже вышедших из младенческого возраста. Я убежден, что подобное расширение этих моделей позволит получить дополнительные знания даже там, где эмпирический анализ ограничен наличием лишь одномоментных данных о различных семьях.

Для этих моделей важно, чтобы одномоментные обследования проводились последовательно в такие периоды, которые соответствуют определенным вехам жизненного цикла семьи – от бракосочетания до того момента, когда дети действительно встанут на ноги; при этом следует учитывать, что большая часть родительских инвестиций в детей осуществляется после окончания детородного периода. Здесь необходимо принимать во внимание сбережения и накопления активов семьей (домашним хозяйством), а также заемные средства, благодаря которым семья увеличивает свои наличные ресурсы, используемые частично для покупки трудосберегающих предметов потребления, а частично для финансирования инвестиций в качество своих детей.

Выходя за пределы стационарного экономического состояния, мы вступаем в неизведанную зону. Наши аналитические карты ничего не говорят нам о том, куда двигаться дальше. Наблюдаемая нами обыч-

ная семья, особенно в богатых странах, жила и живет в экономике, условия которой с течением времени существенно менялись и продолжают меняться. Когда происходят такого рода сдвиги, меняется также и экономическое мышление – особенно это касается представлений о возрасте вступления в брак, о количестве детей в семье и возрастном разрыве между ними, о величине семейных ресурсов, предназначенных для инвестиций в детей. Более того, прежде чем семьи полностью освоятся с этими сдвигами и достигнут состояния равновесия, могут произойти другие неожиданные изменения. Поэтому наблюдаемые нами семьи редко находятся в состоянии экономического равновесия (если оно вообще когда-либо имеет место). Эта неизведанная зона изобилует различными неравновесными ситуациями. Существует насущная потребность в создании экономической теории, способной инкорпорировать их в анализ семьи.

Можно, конечно, пытаться импровизировать, подвергая анализу каждое из этих важных изменений по отдельности, для данного момента времени, абстрагируясь всякий раз от других изменений. Хотя на подобную процедуру должен накладываться целый ряд жестких ограничений, тем не менее она способна обеспечить нас необходимой дополнительной информацией, которую можно использовать для создания обобщающей модели, характеризующей семейные решения на протяжении жизненного цикла при меняющихся экономических условиях.

На мой взгляд, приоритетными (с точки зрения определения масштаба их влияния на браки, деторождение и инвестиции в детей) должны стать исследования экономических аспектов следующих процессов: (1) прогресса в разработке контрацептивных средств с точки зрения их эффективности и доступности для семей; (2) усовершенствования трудосберегающих предметов потребления и снижение их цены; (3) изменения экономических возможностей инвестирования в обучение детей; (4) изменения степени доступности рабочих мест для женщин и подростков; (5) изменения масштабов сокращения зарплаток женщин в результате отсутствия профессионального обучения в тот период, когда они оставляют работу в связи с беременностью и уходом за ребенком (детьми); (6) снижения издержек, необходимых для сокращения детской смертности (такое изменение характерно главным образом для слаборазвитых стран) и (7) связанных с экономическим ростом изменений в размещении рабочих мест, требующих региональной миграции как молодежи, так и уже существующих семей (Schultz, 1972).

Подходящим инструментом для учета всех этих разнообразных экономических изменений во времени и взаимодействий между ними является модель типа той, что предложили М.Нерлоув и Т.П.Шульц (Nerlove and Schultz, 1970). Однако эмпирическая полезность такой модели будет, с моей точки зрения, зависеть от того, сможем ли мы получить достаточный объем новой информации о каждом из процессов, перечисленных выше.

ЛИТЕРАТУРА

- Becker G.S.** A Theory of the Allocation of Time // Economic Journal, September 1965, v.75, p.493-517.
- Becker G.S. and Lewis H.G.** Interaction Between Quantity and Quality of Children. In: T.W.Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974, p.81-90.
- Ben-Porath Y.** Economic Analysis of Fertility in Israel. In: T.W.Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974, p.189-220.
- Easterlin R.A.** Population, Labor Force, and Long Swing in Economic Growth: The American Experience. General Series, №86. New York: National Bureau of Economic Research, 1968.
- Easterlin R.A.** Towards a Socio-Economic Theory of Fertility: A Survey of Recent Research on Economic Factors in American Fertility. In: S.J.Behrman, L.Corsa (Jr.), R.Freedman (eds.). Fertility and Family Planning: A World View. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969.
- Johnson H.G.** The Economic Approach to Social Questions // Economica, February 1968, v.36, p.1-21.
- Nerlove M. and Schultz T.P.** Love and Life Between the Censuses: A Model of Family Decision Making in Puerto Rico, 1950-1960. RM-6322-AID. Santa Monica (CA): RAND Corporation, September 1970.
- Reid M.G.** Economics of Household Production. New York: Wiley, 1934.
- Ryder N.B.** Comment. In: T.W.Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974, p.76-80.
- Ryder N.B. and Westoff Ch.F.** Reproduction in the United States, 1965. Princeton: Princeton University Press, 1971.
- Schultz T.W.** Human Resources: Fiftieth Anniversary Colloquium 6. New York: National Bureau of Economic Research, 1972.
- Schultz T.W. (ed.).** Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974.
- Willis R.J.** Economic Theory of Fertility Behavior. In: T.W.Schultz (ed.). Economics of the Family. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974, p.25-75.